

Поля Цветова

11-А

СЕГОДНЯ:

КОНТРОЛЬНАЯ

- АЛГЕБРА

- ЛИТЕРАТУРА

- АНГЛИЙСКИЙ

написать
эссе

Найти
попутая
из жилого
уголка

Вернуть
потерянную
флешку

не
сдавать

чужие проблемы —
моя
специальность

позвонить
мне

помочь
перед
уроком

исправить
неловкую
записку

книжка
для
Зины

купить
подарки
учителям

Служба
школьных
катастроф

Поля Цветова

Служба школьных катастроф

<https://litres.ru/74247504>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тася Белочкина тайно помогает ученикам своей школы разруливать любые катастрофы: потерянные флешки, глупые признания, ссоры с учителями и позорные ситуации, которые в шестнадцать кажутся концом жизни. Все идет по плану, пока о ее маленьком подпольном сервисе не узнает Дмитрий Соколов — староста, любимец учителей и человек, который все контролирует. Вместо того чтобы сдать Тасю, Дима втягивается в ее авантюры. И очень скоро спасти приходится уже не только чужие катастрофы.

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Сделка	9
Глава 2: Коробка	16
Глава 3: Письмо	25
Глава 4: Попугай	41
Глава 5: Суп	55
Глава 6: Фото пленка	68
Глава 7: Сообщение	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Поля Цветова

Служба школьных катастроф

Пролог

У Таши Белочкиной было два правила.

Не спрашивать имен.

Не передавать ничего в руки.

Первое помогало не путаться. Второе помогало не попа-
даться.

В 8:10 бот прислал новое анонимное сообщение.

*я оставила тетрадь по англу в 27 кабинете
внутри письмо*

если это увидит Марина Игоревна...

Тася стояла в раздевалке, одной рукой расстегивая пухо-
вик, другой удерживая телефон, который норовил выскольз-
нуть из замерзших пальцев. Вокруг пахло мокрой шерстью,
снегом и сладким парфюмом.

Она быстро напечатала:

цвет

где именно лежит

откуда тебе удобно забрать тетрадь?

Ответ пришел почти сразу:

зеленая

вторая парта у окна

откуда угодно, только не лично

Тася невольно хмыкнула.

Это было правильно. Люди, которые писали ей впервые, обычно думали, что она хочет встретиться где-нибудь в кладовке, сунуть вещь в руки и исчезнуть в темноте, как герой дешевого сериала. На деле все было проще: у Таси были свои точки. Ниша за кулером у медкабинета. Подоконник за тяжелой шторой на втором этаже. Пространство между старым стендом и шкафом у кабинета музыки. Школа состояла из мест, на которые никто по-настоящему не смотрит.

Она поднялась на второй этаж, свернула к кабинету английского и остановилась у двери. Закрыто. За стеклом темно. До звонка оставалось семь минут.

С другого конца коридора на нее посмотрела тетя Валя с ведром и шваброй.

— Белочкина, ты чего здесь?

— В двадцать седьмом забыли тетрадь, — сказала Тася.

— До урока бы забрать.

Она хмыкнула, но связка ключей в ее руке звякнула уже мягче.

— Не свою, конечно.

— Конечно.

Тетя Валя открыла кабинет.

— Давай быстро.

Тася скользнула внутрь. Зеленая тетрадь действительно лежала на второй парте у окна. Она уже собиралась убрать ее в сумку, когда из середины выпал маленький белый конверт.

На нем аккуратным почерком было написано: Артему.
Лично.

Она подняла конверт, на секунду задержала взгляд и сразу убрала обратно.

Чужие письма были не ее делом. Ее делом было только сделать так, чтобы они не попали не в те руки.

— Нашла? — спросила из коридора тетя Валя.

— Да, спасибо.

Она вышла, прижимая тетрадь к боку, и пошла в сторону медкабинета. У окна рядом стоял старый кулер, за ним была узкая ниша между стеной и батареей. Тася положила тетрадь внутрь и сфотографировала место так, чтобы в кадр попали подоконник, край объявления про прививки и облупившаяся синяя труба.

Потом отправила в бот:

забирай через 3 минуты

ниша за кулером у медкабинета

если увидишь людей просто пройди мимо и вернись позже

Ответ пришел мгновенно:

спасибо

Тася уже убирала телефон в карман и собиралась идти на алгебру, когда тот снова завибрировал.

На этот раз писал не бот.

Это был Черновик.

Новый школьный канал появился всего несколько дней назад и сперва казался обычной анонимкой: фотографии из столовой, дурацкие подписи к чужим конспектам, шутки про пробники, кривые кадры с репетиций в актовом зале. Ничего особенного. Такие каналы в школе долго не живут, если им не везет.

Но сейчас в ленте была фотография белого конверта.
Того самого.

Артему. **Лично.**

Подпись под фото была короткая:

Весна пришла раньше расписания.

Тася остановилась посреди лестницы.

Фото сделали в кабинете. До того, как она вошла. Или пока она была внутри.

Она медленно подняла голову.

На площадке между этажами стоял Дима Соколов — ровный, как всегда, в темно-синем свитере, с папкой под мышкой.

Он смотрел на нее.

Несколько секунд они молчали. Потом прозвенел звонок, и школа сразу пришла в движение: кто-то побежал вниз, кто-то, наоборот, вверх, двери хлопнули, голоса слились в привычный шум.

А у Таси осталось неприятное, очень точное чувство, что

кто-то только что зашел на ее территорию.

Глава 1: Сделка

Если бы Тасе кто-нибудь год назад сказал, что она будет вести подпольную службу школьных катастроф, она бы ответила, что у людей слишком много свободного времени.

Если бы Тасе кто-нибудь сказал, что главным риском в этой работе будет не завуч, не родители и даже не случайный скриншот, а Дима Соколов, она бы просто рассмеялась.

Потому что Дима Соколов совсем не выглядел как человек, способный стать проблемой.

Он не спорил с учителями, не опаздывал, не забывал сменку, тетради и фамилии тех, кому нужно сдать деньги на экскурсию. Он как будто был собран из чужих представлений о надежном школьнике. Сын маминой подруги. Таких в школе либо любят, либо с трудом терпят.

Тася, если честно, терпела.

После третьего урока он сам ее нашел.

Она стояла у окна на третьем этаже вместе с Алиной. За стеклом висел мокрый серый день, по асфальту во дворе тянулись грязноватые полосы снега, а у крыльца младшие пытались прокатиться по льду, но лишь забавно падали со ступеней. Из приоткрытой двери кабинета физики тянуло чем-то перегретым.

— Белочкина, есть минута? — спросил Дима.

— Нет, — сказала Тася.

— Тогда возьму две.

Алина моментально сделала шаг назад и перевела взгляд с одного на другую с тем удовольствием, с каким люди смотрят на начало сериала.

— Я вас оставляю, — радостно сообщила она. — Дима, если что — кричи.

— Не драматизируй, — нахмурилась Тася.

— Это literally моя функция.

Она ушла в сторону актового зала, на ходу поправляя сумку, и Тася осталась с Димой одна. Точнее, почти одна: по коридору все равно кто-то сновал, хлопали двери, снизу доносились голоса.

— Если ты по поводу дежурства, — сказала Тася, — то я была на дежурстве. Мысленно. Всей душой и сердцем!

— Я не по поводу дежурства.

— Даже жаль.

Он кивнул в сторону пустого кабинета географии. Тася пошла за ним скорее из упрямства: не хотелось показывать, что ей самой любопытно, чего он вдруг добивается.

На подоконнике стояли уставшие фикусы, на стене висела карта мира с загнутым углом, батарея у окна тихо постукивала. Дима аккуратно прикрыл дверь, не запирая.

— Сразу скажу, — начал он, — я не собираюсь тебя сдавать.

— Очень успокаивает.

— Но мне нужно понять, что происходит.

— Где именно?

Он посмотрел на нее прямо, без своей обычной вежливой полуулыбки.

— Где ты за последние две недели несколько раз оставляла вещи в странных местах школы. Ты либо закладчица, либо автор бота.

У Таси неприятно кольнуло внутри, но снаружи она только пожала плечом.

— Сильно сказано.

— Флешка Никиты. Сегодняшняя тетрадь из английского. И это только то, что видел я.

— Ты ведешь на меня досье?

— Я староста.

— Это неизлечимый диагноз. Помочь не смогу.

На секунду у него дрогнули губы, будто он едва не улыбнулся. И это вдруг оказалось хуже всего. Потому что до этого момента Тася почти не думала о том, что Дима Соколов вообще может выглядеть не как аккуратное приложение к учительской, а как обычный человек.

Но улыбка сразу исчезла.

— Утром Черновик выложил еще один пост, — сказал он.
— Про Соню Маркову.

Тася нахмурилась.

Соня училась с ними в параллели. Спокойная, собранная, всегда чуть лучше подготовленная, чем остальные. У нее были идеальные конспекты и тонкие черные стрелки на веках.

— Что за пост?

Дима протянул смартфон.

На экране был снимок листка с результатами пробника по математике. Фамилия оказалась закрыта пальцем, но баллы были видны. Не провал — Тася бы не отказалась от такого результата. Но этот результат был плохим для человека, от которого, кажется, дома ждали только круглых побед.

Подпись снизу была короткой:

Когда ты отличница только до первого пробника.

Тася не сразу отдала телефон обратно.

— Откуда это?

— Вот это я и пытаюсь понять, — тихо сказал Дима. — Соня говорила, что никому этот листок не показывала. А потом я вспомнил, что вчера видел, как она писала в бот — говорила с тобой, если быть точнее.

Тася медленно выдохнула.

Вчера кто-то действительно писал про родительское собрание. Про то, что делать, когда дома будут кошмарить распросами и наказаниями в виде лишения карманных денег. Они успели обменяться только несколькими сообщениями. Тася тогда решила, что не может помочь в таком деле, но предложила найти решение попозже.

Не успела.

— Ты думаешь, это я автора Черновика? — спросила она.

— Нет, — слишком быстро ответил он.

И от этого “нет” стало только сложнее.

Он оперся ладонями о край парты и на секунду отвернулся к окну. За стеклом по-прежнему тянулся мокрый день, у входа в школу растекалась серая снежная каша, мимо калитки шли люди в темных куртках, сгорбившись от сырого ветра.

— В нашей школе нет порядка, — сказал Дима после паузы. — Пока у всех все прилично, все довольны. А как только у кого-то что-то летит не туда, это сразу становится его личной проблемой. Или поводом для шуток. Я не хочу, чтобы еще и этот канал начал травить наше общество изнутри.

Тася ничего не сказала.

Это уже не походило на допрос, и на желание ее поймать и сдать преподавателям тоже не походило. Дима скорее выглядел как человек, который сам не знает, как правильно войти в разговор, но все-таки входит.

— И чего ты хочешь? — спросила она.

— Сделку.

Тася закатила глаза.

— Конечно. В какой момент люди решают, что могут раскидываться “деловыми предложениями” и компромиссами в подобных делах? Зачем ты мне?

Дима сразу начал перечислять на пальцах, будто заранее перебирал в голове все варианты:

— Я знаю изменение расписаний раньше всех после звонка, личные данные учителей — точнее, той частью, которой они со мной поделились, но у других учеников нет и этого,

— у кого какие ключи, кто где бывает и кто кого прикрывает. И я, в отличие от тебя, могу задавать некоторые вопросы так, чтобы это не выглядело странно.

Черт, он реально был нужен Тася, но она не подала вида.

— Очень самоуверенно.

— Зато честно.

Тася уже собиралась съязвить что-то еще, но вдруг заметила, что он правда выглядит усталым. Не красиво усталым, не так, как в фильмах. Просто уставшим: тень под карими глазами, помятая манжета рубашки под свитером. Дима Соколов, что с тобой? Для всей школы не стараешься, но для конкретного человека — вполне. Соня ему явно не безразлична. Не как “девочка из параллели, за которую надо отвечать”.

У Таши от этого неприятно потянуло под ребрами — она не любила чужую искренность вблизи, а тем более дела сердечные. С этим всегда сложнее шутить, и уж тем более работать.

Телефон в кармане завибрировал.

На экране высветилось: *Алиша*. Сразу следом прилетело голосовое.

Из динамика зашуршало, кто-то на заднем плане уронил что-то деревянное, потом зазвучал голос Алины — быстрый, шепотом и все равно очень громкий:

— Белочкина, если ты меня хоть немного любишь, срочно иди в актовый зал. Мы случайно сломали реквизит, через

сорок минут репетиция перед Ниной Павловной, и, кажется, я еще потеряла коробку с письмами для зимней почты. Не спрашивай как. Просто приходи.

Тася убрала телефон и подняла глаза на Диму.

Он молча протянул руку.

У нее вырвался короткий смешок.

— Добро пожаловать в дело, — сказала Тася и хлопнула его по ладони, рассчитывая на то, что после первого дела Дима Соколов сам от нее отречется.

Глава 2: Коробка

На сцене стоял перекошенный картонный почтовый ящик, у кулис лежала гирлянда из бумажных звезд, а в середине всего этого хаоса Алина в большой мужской рубашке для костюма пыталась одновременно держать телефон, папку с текстом и остатки достоинства.

— Наконец-то, — сказала она, едва увидев Тасю.

— Что случилось?

— Во-первых, декорация с почтовым ящиком. Во-вторых, моя нервная система. В-третьих, коробка с письмами для зимней почты.

— Какими письмами? — спросил Дима.

Алина посмотрела на него, потом на Тасю.

— А он теперь с нами?

— Временно, — сказала Тася.

— Ладно, тогда быстро. Это часть настоящих писем. Ребята собирали их всю неделю. Там всякие записки, теплые послания, признания, просто милые штуки, которые дети бросали в коробку. Мы случайно отобрали часть писем и в финале номера должны вынести их на сцену, чтобы потом раздать. Я поставила коробку под сцену, потом ее, кажется, передвинули вместе с реквизитом, потом Ника попросила убрать лишнее от света, потом Костя сел не туда, и дальше у меня в голове белый шум.

— Конечно, Ника, — пробормотал Дима.

Тася обернулась.

— Что?

— Ничего. Я просто видел ее здесь утром с камерой.

Ника Воронцова мелькнула у дальней кулисы, будто специально ждала пока ее позовут по имени. Светлые волосы собраны кое-как, фотоаппарат на шее, в руках телефон, на лице лисья ухмылка.

— Не начинай, — сказала Тася тихо. — Камера — это еще не улика.

— Я не начинаю. Я запоминаю.

Алина между тем уже схватила Тасю за рукав.

— Тась, если письма пропадут, кто-то решит, что его проигнорировали, а кто-то, наоборот, узнает про себя лишнее. Мне очень не нравится ни один вариант.

Тася огляделась. От прожекторов пекло в висок, где-то наверху трещал старый провод. Под сценой валялись пакеты, куски декораций, чьи-то ботинки для номера, картон и мишура. Все выглядело как обычный творческий бардак, из которого могло пропасть что угодно.

— Где вы видели коробку в последний раз? — спросила она.

— Или у сцены, или в реквизиторской, или возле меди-центра, — быстро ответила Алина. — Я знаю, что это ужасно звучит.

Дима уже развернулся к выходу из зала.

— Я проверю медиацентр. Ты с Алиной — сцену и реквизиторскую. Через шесть минут встречаемся здесь.

— Почему именно шесть? — спросила Тася.

— Потому что если будет пять, то этого обычно всегда не хватает, а семь это уже перебор.

— Господи.

— Да, — невозмутимо ответил он и ушел.

Алина проводила его взглядом.

— Слушай, а он вообще ничего.

— Не начинай.

— Я и не начинаю. Я просто запоминаю.

— Ужасно заразно.

Тася присела у края сцены и отодвинула тяжелую ткань кулисы. Под сценой нашлись пакет мармелада, один кед, пачка ноябрьских афиш и поломанная снежинка из прошлого оформления. Коробки с письмами не было.

В реквизиторской оказалось еще хуже. Она всегда напоминала Тасе цирковой шкаф — из которого выходит миллион карликов, а потом начинают вытаскивать свои миллион вещей. Из темноты торчали искусственные ветки, коробки с надписями “Осень”, “9 мая”, “Новогодняя сказка”, какие-то фанерные домики, сваленные костюмы и бесконечные рулоны бумаги.

— Я клянусь, я ставила ее не сюда, — бормотала Алина, перерывая коробки. — Хотя если она тут, это даже символично. Школьная почта потерялась среди школьного рекви-

зита. Может, тут и наш старый дворник пропал?

Тася отодвинула старый картонный замок, который использовали зимой в спектакле, и вдруг заметила внутри край коробки. Она просунула руку внутрь и вытащила пропажу. Коробка была немного помята, но цела.

Алина шумно выдохнула.

— Я сейчас расплачусь от облегчения.

— Лучше посчитай.

Они открыли коробку прямо на полу. Конверты лежали вперемешку: белые, в линейку, крафтовые, розовые, с наклейками и без. Кто-то перелил на письмо сладкий спрей, кто-то, наоборот, написал коротко и сухо, без всяких украшений.

Алина перекладывала их по одному, шепотом считая:

— Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре... двадцать пять...

Она замолчала.

Тася посмотрела на нее.

— Сколько должно быть?

— Двадцать шесть.

У Таси неприятно сжался живот.

— Ты уверена?

— Да. У меня список был.

— Был?

— Есть, — быстро сказала Алина и полезла в смартфон.

— Не смотри на меня так.

Не хватало одного письма.

Когда они вернулись к сцене, Дима уже ждал их. В руке у него был маленький кусок черного матового картона.

— Коробку нашли? — спросил он сразу.

Тася кивнула.

— Не полностью. Одного конверта нет.

Он только коротко взглянул на нее и протянул картон.

— А это валялось у принтера в медицентре.

Тася перевернула обрезок. На обратной стороне серебристой ручкой было написано: черн.

По спине пробежал холодок. На фото конверта утром была точно такая же черная подложка. Не то чтобы ее сразу заметил любой человек. Но Тася помнила картинку хорошо.

— Ты это видел? — спросила она.

— Да.

— Случайность? — осторожно спросила Алина, переводя взгляд с одного на другого.

— Может быть, — сказал Дима.

Но сказал он это так, что Тася сразу поняла: не верит.

Из-за кулисы снова выглянула Ника.

— Я чувствую, вы без меня уже кого-то подозреваете, — заметила она.

— Мы ищем письма, — Тася пожала плечами.

Ника перевела взгляд на коробку с письмами в руках Алины, потом на картон в руке Димы, но ничего не спросила.

— Если что, я весь день была тут на виду. И вообще, у

меня есть дела поинтереснее, чем копать в школьной романтике.

— Например? — спросил Дима.

— Например, красиво снимать, как другие люди копаются в школьной романтике.

Она улыбнулась уголком рта и снова ушла к кулисе.

Алина нервно прижала коробку к себе.

— Мне одной от нее всегда немного тревожно?

— Нет, — сказала Тася.

— Нет, — одновременно ответил Дима.

Репетицию успели спасти буквально за минуту до появления Нины Павловны. Ящик перебили степлером-пистолетом и поставили ровно, звезды расправили, Костя, наконец, нашел нормальный скотч. Алина выбежала на сцену с дергающимся глазом.

Тася стояла за кулисой. Музыка то входила, то обрывалась, кто-то забывал реплику, кто-то слишком громко топал. Все было как обычно. Только ей никак не удавалось перестать думать о пропавшем белом конверте.

В обычный день это могло бы ничего не значить. Потеряли, перепутали, сунули не туда.

Но после утра, после Сониного пробника, после фото в канале даже такие мелочи уже не выглядели мелочами.

Когда репетиция закончилась, Тася вышла из школы через боковой вход вместе с Димой. На улице быстро темнело. Снег у крыльца давно превратился в серую воду с крошкой

льда, кто-то из старших курил за забором, мимо шли ребята с тубусами, пакетами из «Пятерочки» и стаканчиками кофе.

Несколько секунд они шли молча. Тася чувствовала, как после теплого актового зала лицо сразу стянуло холодом.

— Ты сейчас молчишь так, будто уже все разложил по пунктам, — сказала она.

— Не все, — ответил Дима. — Но кое-что да.

— Например?

Он засунул руки в карманы пальто. На фоне сырого воздуха его голос звучал чуть ниже и глуше.

— Кто-то смотрит туда же, куда и ты. Только если ты стараешься перехватить проблему до того, как о ней узнают все, то он, наоборот, ищет способ вывернуть проблему наружу.

Это было сказано очень просто и очень точно. Тасе от этих слов стало не по себе сильнее, чем от всех утренних шуток в канале.

— Белочкина, — сказал Дима чуть погодя. — Сколько человек знают про твой бот? Про то, что его ведешь именно ты?

Она хотела отмахнуться. Сказать что-нибудь легкое, скользкое, ни о чем. Но сил на это не было.

— Никто полностью, — сказала Тася.

— Это не ответ.

Она вздохнула.

— Алина знает, что я иногда “разруливаю”. Лёва помог собрать бота, но в переписки не лезет. Иногда мне помога-

ет младшая параллель: передать записку, отвлечь учителя, проверить, свободен ли кабинет. Все.

— И ты всем доверяешь?

Тася замолчала на добрые несколько минут. Ей хотелось сразу же ответить согласием, но она не смогла и лишь ответила наконец:

— Не знаю.

Дима кивнул так, будто именно этого и ждал.

— Тогда начнем с простого. Сегодня я поговорю с Соней. Завтра нужно найти Лёву. И еще я хочу понять, кто имеет доступ к фотопринтеру в медиацентре.

— Эй, эй! — Тася пощелкала пальцами. — Я взяла тебя в команду.

— Я говорю, потому что ты молчишь. Если бы ты решила, что делать...

Тася запихнула руку в карман и стыдливо отвернулась. Дима был прав — к вечеру она растеряла хватку. Хоть у нее и был рассеянный образ, рассеянной она никогда не была вправду. Но Черновик и новоиспеченный коллега выдернули почву из-под ее ног. Она... устала? Запуталась? Ей страшно?

— Я решу. Просто дай мне время.

— Шести минут хватит?

— Можно семь?

Дима улыбнулся.

Они дошли до метро. У входа горел теплый желтый свет, рядом кто-то продавал цветы, хотя до марта было еще дале-

ко, а у ларька с напитками пахло сиропами.

— Хочешь чай? — спросил Дима.

Тася кивнула.

Через несколько минут они сидели у окна во “Вкусно и точка”. На стекле медленно таяли капли, за окном люди торопились к автобусам и метро, кто-то ел на ходу, кто-то смеялся так громко, что было слышно через стекло.

Экран засветился новым сообщением в бот.

мне кажется, меня скоро выложат в черновик я не знаю что делать пожалуйста, ответьте

Тася прочитала и повернула к Диме экран.

— Это уже не просто школьные катастрофы, да? — спросил он.

— Нет, — решительно ответила Тася.

И в этот момент впервые по-настоящему поняла, что спастись придется шансы на ошибку.

Глава 3: Письмо

В 7:01 бот прислал Тасе четыре сообщения подряд.

я вспомнила, что не подписала букву!!!

отправила письмо мише из одиннадцатого!

*если это откроет миша из В-шек, то черновик не будет
нужен*

я и так стану посмешищем!

Тася прочитала это еще в подъезде, утерла сопливый нос, сунула телефон в карман, вышла на улицу и пошла к школе быстрее обычного.

У крыльца уже толпились младшие, гардероб гремел дверцами, кто-то ругался из-за сменки и дуделки. Тася встала у окна, набирая ответное сообщение.

привет

как выглядел конверт?

Ответ прилетел тут же, будто несчастная и не закрывала переписку с ботом:

небольшой, белый

помогите! вы уже тут?

— Что случилось? — спросил рядом Дима. Его волосы еще были растрепаны после шапки, поэтому он пытался их уложить голыми пальцами.

Она показала экран.

Дима прищурился и прочитал сообщения.

— О. Нормально.

— Что именно нормально?

— Ненормально. Я в смысле понял.

— Удивительно ясная речь с утра.

— Спасибо. Зимнюю почту разносят сегодня на большой перемене. Если письмо не ушло раньше, успеем.

— Хорошо, — сказала Тася, уже набирая шаг, — Но я думаю, что в зимней почте его уже нет — и, обернувшись и заметив, что Дима за ней не поспевает, немного воодушевленно прикрикнула, — И вчера не было!

Они спустились к актовому залу. Боковой коридор был открыт, внутри уже кто-то шуршал бумагой и сердито разговаривал сам с собой.

Алина сидела на полу у стены в окружении коробок, списков, маркеров и конвертов. На коленях у нее лежала пачка писем, на голове держался кривой пучок, рядом стоял термос.

— Если кто-нибудь еще докинет мне письмо в последний момент, — бормотала она, — я взорвусь. Клянусь.

— Доброе утро, — сказала Тася.

Алина подняла глаза.

— Нет. У меня оно не доброе. У меня оно "почему в школьном совете так много бесполезных людей". О, Дима тоже здесь. Значит, у вас опять тайная операция.

— У нас письмо не туда ушло, — сказал Дима.

Алина закрыла глаза.

— Конечно. Конечно ушло. Конечно именно сегодня.
Тася присела рядом.

— Девочка подписала только "Мише из одиннадцатого".
Без буквы. Боится, что улетит Мише из В-шек.

— Боится правильно, — мрачно сказала Алина. — Костя помогал сортировать! Поэтому я до сих пор тут торчу!

— Это был белый конверт... Может, тот, вчерашний? — обернувшись к Диме, настаивала Тася.

— Сначала проверим то, что есть тут. Где конверты на одиннадцатый В? — спросил Дима.

Алина ткнула маркером в стопки справа.

— Но лучше проверьте вообще все, потому что Костя, чтоб его черти драли!

Тася погладила подругу по спине и они с Димой полезли разбирать конверты. «Полинкинсу», «Настиксу», мальчику со второй парты третьего ряда из 8а», «если это не Вадим Речнин, то руки прочь», «Марине Игоревне» — Тася в удивлении приподняла бровь, завидя пару тройку любовных посланий преподавательнице английского. Но нужного письма с Мишей из безбуквенного одиннадцатого нигде не оказалось.

Дима посмотрел на Тасю.

— Ты была права. Скорее всего, это вчерашнее пропавшее письмо.

Алина села ровнее, разминая виски средними пальцами.

— Подождите. Сейчас-сейчас. С утра какой-то белый кон-

верт брала Ника. Сказала, ей нужен красивый кадр для сторис школьного паблика.

Тася медленно подняла голову.

— Зачем ей конкретно белый конверт?

— Потому что он чистый, без дурацких наклеек. Эс-тэ-тич-ный. Ее слова, не мои. Потом она положила его обратно. Я видела.

— Алина, ближе к сути! — Тася умоляюще протянула к ней руки.

— После Ники сюда заходили наши. Так вот, Ника положила конверт в один из пакетов, который унес Денис. Или Кир. Нет, Денис.

Дима открывал телефон и сверялся с расписанием, Тася уже подсказывала на ноги.

— И если увидите Костю, скажите, что я его ненавижу! — Алина всплеснула руками.

— Сама скажешь, — ответила Тася, потому что уже была у двери и чуть не столкнулась с Костей.

Дима нагнал Тасю, но на лестницах они разминулись — она полетела вниз.

— Тася! Если Денис пошел разносить конверты, то он на третьем, у них там сейчас история.

— Нет! Он у спортзала! Понес письмо Мише — у него физра первой!

Дима замешкался, но все же поспешил за ней.

Уже у поворота к спортзалу Тася услышала знакомый го-

гот.

Денис стоял у окна с двумя приятелями. В руке он держал пачку конвертов, а Миша тянул к себе тот самый белый.

— Сейчас будет мясо, — прыснул третий парень. — Отправим потом в предложку Черновика?

— Это не тебе и не для Черновика, — резко возник Дима. Все трое обернулись.

— Соколов, свали.

— Конверт сюда.

— Это мне адресовано, сам посмотри, — Миша поводил конвертом перед носом Димы. — Мы просто посмотрим и все.

Тася подошла ближе и выдернула конверт быстрее, чем Миша успел дожать пальцы. Сердце у нее колотилось так, что отдавало в уши.

— Ты не один Миша на планете, — нахмурилась она. — Концерт окончен.

— Белочкина, ты вообще откуда выросла?

— Жалко. Мы уже настроились.

Третий парень, Артем, молча держал телефон, будто снимает.

— Удали, — Тася нахмурилась.

— Душнилы!

— Удали, — насел Дима.

Миша закатил глаза.

— Удаляй. Мне не нужен геморрой с Соколовым и его

сквадом училилок.

Артем нехотя ткнул в экран.

— Все.

— И из удаленных, — сказала Тася.

Он сжал губы.

— Жестоко.

— Переживешь.

Они с Димой отошли к лестнице. Тася сразу достала телефон и написала через бот:

письмо забрали

теперь решай

хочешь чтобы оно дошло тому мише или вернуть тебе

Ответ прилетел через пару секунд:

вернуть

Следом:

я тупая, еще и трусиха

Тася улыбнулась.

ты перепугалась, подобные письма не каждый день пишутся

заберешь после второго урока под фикусом в голубом горшке возле кабинета информатики

Рядом Дима заглянул в экран.

— Еще один пункт выдачи?

— Конечно. У меня сервис.

— Впечатлен.

— Не надо.

Он усмехнулся, раздался звонок на урок. Тася и Дима поднимались в кабинет. Кто-то оббежал их, еще дожевывал булочку на ходу.

— Кстати, — сказал Дима. — Тот с телефоном перед тем, как ты выдернула конверт, прошептал Денису: «Ника бы заценила».

— Серьезно?

— Угу.

— Прекрасно.

Они помолчали секунду, и Дима добавил:

— Ты сейчас довольная.

— Конечно. Приятно, когда человек избегает проблем. Но я очень надеюсь, эта эпопея с письмами скоро закончится.

— Ну, после большой перемены все письма будут у своих владельцев — или не владельцев, и после этого уже ничего не поделаешь.

Они уже подходили к кабинету, когда Тася положила конверт в сумку.

— Все, кроме белого.

— Ты не про этот, да? — он кивнул на письмо для Миши, что провалилось между учебниками.

Тася покачала головой.

На перемене после второго урока Тася, как и обещала, оставила письмо под цветком, потом отошла к окну и сделала вид, что переписывает домашку.

Через три минуты в коридоре появилась девочка. Малень-

кая, в огромном светлом пуховике, с растрепанной косой и налипшими на лоб волосами. Она нервно огляделась, подошла к цветку, кое-как отодвинула его в сторону, прижала конверт к груди и ушла так быстро, что чуть не врезалась в преподавательницу.

Телефон у Таси тут же дрогнул.

забрала

спасибо

Пауза.

я его перепишу

Еще пауза.

лет через сорок

Тася хохотнула. На стекле блестели капли, внизу у крыльца кто-то пытался стряхнуть снег с ботинка об ступеньку.

Через бот на ее банковскую карточку зачислили сто рублей — донат за помощь. Давненько она их не получала!

Она уже собиралась уйти на литературу, когда увидела Соню.

Та стояла у подоконника в конце коридора, бледная, что-то мелкое крутила в руке. Через секунду рядом появился Дима. Он открутил крышку на бутылке воды и протянул ей.

Соня смотрела на него недовольно, и Тася поняла, что прислушивается к голосу парня.

— Выпей сначала, потом ругайся.

Тася поспешила к лестницам. Она уже подходила к кабинету, когда телефон снова дернулся.

Новое сообщение в боте.

у меня пропала презентация

урок будет вот прям щас

мне нужно сдать эту работу писец как

алло?

нужна помощь!

Она закрыла глаза на секунду.

— Что еще? — спросил Дима, тут же подходя и немного запыхаясь.

Тася показала экран. Дима потер подбородок.

— У нас сегодня какой-то фестиваль катастроф.

Тася уже печатала ответ.

оставь флешку в столовой за аппаратом для кислородного коктейля, у тебя пять минут

если получится, верну ее в середине урока, пока потяни время самостоятельно

Ответ прилетел сразу.

Ок

— Если дело касается техники, — сказала Тася, — мне нужен Лёва.

— Я тогда сейчас отпрошу нас у Людмилы Ивановны. Подожди тут.

В этот момент прозвучал звонок, Дима пробыл в кабинете не больше десяти секунд — будто учительница даже не спрашивала подробностей и отпустила его, а вместе с ним и Тасю, просто так.

Кабинет информатики находился на первом этаже, недалеко от столовой — Тася специально назвала такое место для флешки, чтобы забрать ее по пути. Дверь оказалась приоткрыта. Лёва сидел за последним компьютером у стены. На нем была темная толстовка, рукава натянуты на ладони, рядом на столе лежали провода, разобранная мышка, энергетик и кружка кофе, которую он явно забыл допить еще с вечера. Позавчерашнего дня.

Тася подошла первой и положила флешку рядом с клавиатурой.

— У тебя есть минут десять, — сказала она.

Лёва поднял глаза.

— Доброе утро тебе тоже.

— У меня насыщенный день.

— Я вижу.

Он взял флешку, вставил в ноутбук и только после этого посмотрел на Диму.

— Соколов?

— Узнал — уже приятно, — сказал Дима.

— Принес листочек с дежурством?

Тася неудачно подавила усмешку. Лёва щелкнул мышкой, нахмурился, потом открыл какую-то папку.

— Кто выдернул флешку как дикарь?

— Не знаю, — сказала Тася. — Но подозреваю, что владелец — он какой-то психованный.

— Очень похоже.

Дима прислонился к соседнему столу.

— Спасти можно?

— Сейчас посмотрим, насколько человек любит делать резервные копии.

— Он обычный школьник, — сказала Тася.

— Тогда нет, — спокойно ответил Лёва.

Тася хмыкнула. От Лёвы всегда было одно и то же ощущение: рядом с ним все звучало чуть суше, чем у других, но почему-то от этого легче дышалось. Он не суетился, не делал страшных глаз, не спрашивал "а как же так получилось". Открывал, смотрел, чинил, не задавал лишних вопросов — в общем, просто помогал.

Дима, кажется, это заметил.

— Ты часто ей помогаешь? — спросил он.

Лёва не отрывался от экрана.

— Когда она приходит с видом "все срочно", да.

— То есть часто.

— Я вообще-то тут, — отозвалась Тася, — могу выйти.

— Не надо, — одновременно сказали парни.

Лёва первым усмехнулся.

— Нашел. Файл жив. Просто умник сохранял презентацию в таком месте, где ее сам же потом и потерял.

Он скопировал файл на рабочий стол, проверил, что презентация открывается, и протянул флешку обратно.

— Скажи своему несчастному парнишке, что он мне должен извинение за то, что я увидел краем глаз в папке с нетри-

виальным названием «домашка младшего брата».

— Скажу, что ты спас его защиту, диплом, работу, брак и троих детей.

— Не преувеличивай. Детей максимум двоих.

Тася уже взяла флешку, но Дима вдруг спросил:

— Слушай, а ты же Тасе бот собирал?

Лёва поднял глаза.

— Ну да.

— Еще кому-то в школе делал что-то похожее? Форму, анонимку, бота, что угодно?

В кабинете стало очень тихо.

Лёва откинулся на спинку стула.

— Не-а.

Дима скрестил руки на груди.

— Точно?

— Соколов, — сказал Лёва, — если бы я каждому второму в этой школе собирал анонимки, я бы уже давно сошел с ума. Мне одной Белочкиной хватает.

Тася фыркнула.

— Это была не шутка, — заметил Лёва.

— Тем более.

Дима ничего не ответил. Только кивнул, но взгляд у него остался внимательный, цепкий. Тасе это не понравилось.

— Все? — спросила она.

— Все, — сказал Лёва.

— Тогда мы пошли. У нас, как выяснилось, очень плот-

ный график.

— Я заметил, — ответил он.

У двери Тася обернулась.

— Лёв.

— М?

— Спасибо.

Он махнул рукой, уже снова уткнувшись в экран.

— Иди спасай человечество.

В коридоре Дима молчал до самой лестницы.

Только когда они начали подниматься, он спросил:

— Ты ему доверяешь?

Тася крепче сжала флешку в ладони.

— Да.

— Просто да?

— Дим, он мне бот собирал. И вот это все тоже чинит без лишних вопросов. Что тебе не нравится?

— Не знаю.

— Очень содержательно.

— Он соврал бы спокойно, если бы захотел.

Тася посмотрела на него.

— Это сейчас была интуиция?

— Это сейчас было обычное наблюдение.

— А ты всем так не доверяешь или только тем, кто умеет делать то, чего ты не умеешь?

Тася печатала на ходу в бот, поэтому не заметила, как Дима изменился в лице.

готово

флешка в кактусах в цветочном углу на втором этаже

Честно — пункта выдачи в кактусах никогда не было, Тася придумала его только что, потому что вредничала. Ответ прилетел мгновенно:

спс

После уроков у гардероба было тесно и шумно. Тася застегивала куртку, когда рядом возник Дима, чтобы тоже одеться. Они молча стояли спиной к спине, пока Тася не обернулась со словами:

— Извини. Вспылила.

Вышли из школы вместе. Слякоть собралась в одну большую кашу, автобус у остановки покосило в бок от того, как в него набирались работяги после работы, народ тянулся к метро.

— Завтра что? — спросил Дима.

— Пока не знаю. Может, все решат пожить спокойно и я выйду на пенсию?

— В шестнадцать рано.

— Могу себе позволить, — она показала скрин зачисления на несколько тысяч рублей.

— Это из бота? — удивился Дима.

— Да, донат, может, от последнего анонима. Так как это наше общее дело, можем потратить деньги вместе и опять зайти в точку?

Сзади послышался голос Сони:

— Дим, подожди!

Он обернулся. Соня догнала их у ворот, поправляя на плече сумку.

— Привет, — выглянула из-за плеча Тася.

— Ой, привет, — она сразу обернулась к Диме, — Ты домой сейчас? Пойдешь со мной? Я не хочу одна слушать мамины голосовые по дороге.

— Пойду.

Это прозвучало так просто и привычно, что у Таси внутри неприятно дернулось.

Дима повернулся к ней:

— Тогда до завтра? Деньги можешь Лёве отправить, я думаю, он заслужил.

— Угу.

— Напишешь, если что-то прилетит?

— Может быть.

— Белочкина.

— Напишу.

— Спасибо.

Он кивнул и ушел с Соней вдоль улицы. Та что-то говорила ему быстро и раздраженно, он слушал, потом взял у нее сумку, хотя она явно не хотела отдавать.

Тася смотрела им вслед дольше, чем надо.

— У-у-у, — протянула рядом Алина.

Тася даже не вздрогнула.

— Алина, молчи.

— За что? Я еще ничего не сказала.

Подруга встала рядом, сунув руки в карманы.

— Ну, если хочешь мое очень ценное мнение, — сказала она, — ты сейчас выглядишь так, будто только заметила, с каким человеком училась на протяжении стольких лет.

Тася резко повернулась к ней.

— Ты серьезно? Ты вообще их видела?

Алина прищурилась, потом медленно улыбнулась.

— Oh. My. God.

— Даже не начинай.

— Тась.

— Нет.

— Ты ревнуешь.

— Как дела с Костей?

Алина зашикала, Тася рассмеялась, и обе подруги направились в сторону дома.

Телефон снова завибрировал, сообщение появилось в чате с утренней проблемой.

*я переписала письмо и отдала мише
нужному мише*

Тася улыбнулась и убрала телефон в карман.

Ладно.

Хотя бы у кого-то сегодня день закончился хорошо.

Глава 4: Попугай

К середине февраля половина школы кашляла, вторая половина чихала.

Тася хорошо себя чувствовала с утра. Последние несколько дней недомогала, но сегодня ей правда было неплохо.

Всего лишь горло царапало, нос то закладывало, то отпустило, а голове было тяжело и мутно. А еще учеба опять просела, поэтому Тася рассчитывала на то, что если вести себя, как здоровая, то она и будет здоровой.

На первой перемене план дал трещину.

Она стояла у окна на втором этаже и переписывала у Алины домашку по обществу, когда чихнула так громко, что проходящие мимо младшеклассники взвизгнули.

Алина свела ладони вместе.

— Ну все.

— Что "все"?

— Ты заболела.

— Неправда.

— Правда. Ты чихаешь, как мой дед. Помнишь, что с ним было?

— Он умер. Но, Алин, ему было за девяносто, и умер он от рака простаты.

— И что?

Алина сунула ей упаковку бумажных платков и продол-

жила, как ни в чем не бывало:

— Хорошо, сменим тему, пока ты вытираешь сопли — сегодня после школы я опять к Марине Львовне.

— Она решила тебя взять обратно?

— Да. За дополнительную плату. Буду снова изображать человека, который мечтает поступать на юрфак, чтобы моя мама расплакалась от счастья, дала мне денег, и от счастья плакала уже я.

— А что так? Я думала, с прошлого раза мы все уладили. Алина махнула рукой.

— Потом. Давай о тебе — ты когда в последний раз открывала литературу?

Тася вытащила платок, высморкалась и пожала плечом.

— У меня сложные отношения с Онегиным.

— У тебя со всеми сложные отношения, что требуют от тебя дольше пяти минут наедине.

— Ложь.

Это была правда. Сборник по литературе лежал в рюкзаке уже третью неделю. Английский хотя бы иногда открывался, обществознание чуть меньше, но все же. Литература просто ездила с Тасей по школе и до дома.

— Зато Соколов, — сказала Алина, кивнув в конец коридора, — уже решил десять профилей до завтрака.

Дима и правда шел к ним с толстым сборником по математике под мышкой и закручивал термокружку. Он выглядел бодрее Таси только на первый взгляд. Если присмотреть-

ся, было видно, что тоже не выпался, либо болеет.

— Доброе утро, — сказал он.

— Привет-привет, — отозвалась Алина. — У Таси чума, а у тебя как дела?

Тася снова чихнула.

Он моментально перевел на нее взгляд.

— Иди домой, я сам предупрежу учителей.

— Вы сегодня сговорились?

— У тебя голос сел.

— Я всю ночь пела в караоке.

Он поставил термокружку на подоконник, полез в карман штанов и протянул ей блистер с таблетками для горла.

Тася посмотрела на него с подозрением, но блистер взяла и достала оттуда одну таблетку, остальное протянула обратно.

— Спасибо, чумной доктор, но я не развалюсь.

— Хорошо, — спокойно сказал он. — Но ты можешь заразить других.

— Кого других? Все болеют, Алина только держит оборону.

Алина тем временем взяла термокружку, понюхала ее содержимое и выразительно сморщила лицо.

— Староста, я знала, что ты выводишь свою деятельность на чем-то запрещенном, но не знала, что на этом.

Тася наострила уши, Дима в удивлении забрал кружку и сам перепроверяюще понюхал, что навел.

— Ну да, все верно. Это латте на кокосовом молоке.

Алина закатила глаза и собрала с подоконника свои учебные материалы.

— Эта простуда действует на ваши шуточные рецепторы, а я не хочу подцепить отстойное настроение, поэтому чао-какао.

Телефоны завибрировали у троих.

Черновик.

Тася открыла пост и сразу выпрямилась.

На фото был кабинет Марины Игоревны с огромным букетом пионов на столе: *Не 8 марта и даже не 1 сентября. А вы знали, почему англичанка не афиширует свои отношения?*

Все прочитали и заметно напряглись.

— Отстой, — тихо сказала Алина.

Тася смотрела на экран и чувствовала, как внутри все собирается в тугой узел. Перед глазами сразу всплыл белый конверт без имени, тот самый, из зимней почты. Если его действительно кто-то вытащил специально, он мог заметить и письма Марине Игоревне, и теперь хочет использовать ее для своих сплетен.

Рядом с ней Дима уже поднял голову.

По коридору как раз шла Ника Воронцова с камерой на плече и папкой под мышкой. За ней тащились двое девятиклассников со штативом и пакетом удлинителей.

Дима шагнул вперед.

— Ника.

Она обернулась на ходу.

— О, вы.

— Нам надо поговорить, — сказал он.

— После второго, ладно? У меня сейчас съемка.

— У тебя всегда съемка, — кашлянула Тася.

Ника улыбнулась, легко, без всякого смущения.

— Так я востребованная.

И пошла дальше.

На втором уроке Тася перестала делать вид, что чувствует себя нормально.

Голова гудела. Горло жгло даже после таблетки. Нос заложило уже всерьез. Она просидела половину русского с ощущением, что еще чуть-чуть — и просто ляжет на парту.

На перемене она даже думала пойти домой, но бот прислал сообщение, которое сначала показалось ей бредом на фоне температуры.

это очень тупо

Потом еще:

но у меня в школе попугай

кефир

Тася моргнула.

Прочитала еще раз.

мой

попугай

Она протянула телефон Диме.

— Это правда или мне мерещится?

— Милый кот на заставке. Твой?

— Ой, да, — Тася разблокировала телефон.

Следующее сообщение пришло сразу:

*я носила его перед уроками к ветеринару и не успела до-
нести до дома*

подруга открыла переноску

он улетел

сейчас кефир сидит на четвертом этаже

пожалуйста

Они поднялись на четвертый этаж. У кабинетов было пусто, только в конце коридора кто-то из младших спорил из-за зарядки. Дверь химички оказалась приоткрыта, но учителя внутри не было. Был попугай.

Он сидел под потолком на карнизе, зеленый, гладкий, очень спокойный. Внизу на подоконнике стояла маленькая синяя переноска. Видимо, хозяйка успела поставить ее и скрыться.

Телефон Таси вибрировал без остановки.

это он только не орите он боится громких звуков

Тася уставилась в экран.

— Очень вовремя, — сказал Дима.

— Даже не начинай.

Она написала:

постараюсь

И тут же чихнула.

Попугай вздрогнул и перелетел с карниза на шкаф.

Телефон снова дрогнул.

это была ты да

Тася натянула жилетку формы на нос, чтобы не тревожить свой нюх, и продолжила переписку:

да

мне тоже неловко

— Что она пишет? — спросил Дима.

— Услышала меня.

— С таким залпом конечно.

Тася подняла переноску, заглянула внутрь. Корм на месте.

он идет на просо?

Аноним ответил:

даи на голостолько спокойно

Дима уже подтащил стул к шкафу.

— Я полезу.

— Почему ты?

— Потому что ты сейчас опять чихнешь и испортишь нам отношения с Кефиром навсегда.

Он залез на стул, осторожно поднял клетку на шкаф и открыл дверцу. Попугай посмотрел на него, потом на клетку, потом отошел.

Тася написала:

что ему говорить

Ответ пришел через секунду:

кефир хорошийкефир иди домойтолько не смейтесь

Дима посмотрел вниз.

— Ну?

— Говори: "Кефир хороший, иди домой".

— Я не буду этого говорить.

— Будешь.

Он тяжело вздохнул и очень тихо сказал:

— Кефир хороший. Иди домой.

В горле Таси сразу запершило, и ей пришлось замереть, чтобы снова не чихнуть или не прыснуть смехом.

Попугай наклонил голову.

Потом совершенно ясно сказал:

— Лера, ты дура?

Жилетка сползла с носа, и Тася срочно прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться.

Телефон снова завибрировал.

господи простите

я так с собой утром говорила

Попугай тем временем перепрыгнул ближе, потом еще ближе, потом слетел и сел Диме на плечо.

— Дима... — Тася позвала его, будто он сам бы не понял, что попугай у него под носом.

Кефир осторожно клюнул его в ворот свитера и важно произнес:

— Кефир хороший. Дима дура.

Теперь Тася уже не могла смеяться тихо. Слезы выступили на глазах, горло тут же отозвалось болью, и она закашля-

лась вперемешку со смехом.

Дима очень медленно повернул голову.

— Не смейся, сама сейчас будешь все доделывать, — сердито шептал он, так же медленно протягивая руку к попугаю.

— Не буду, — хихикала Тася. — Ты еще меня сейчас спасать будешь, когда я задохнусь.

Кефир наконец перелез с его плеча в клетку. Дима мгновенно захлопнул дверцу.

Телефон Тази же затрясся от входящих с благодарностью. Она лишь ответила:

забирай переноску через 2 минуты

Они отошли в конец коридора. Через две минуты из-за угла мелькнула девочка, не старше пятого класса, забрала переноску и скрылась по лестнице, даже не поднимая головы.

— И все? — спросил Дима.

— И все, — сказала Тася. — Так работает анонимность.

Он посмотрел на нее внимательнее.

— Но мы узнали ее имя и увидели краем глаз. А она тебя явно слышала. Хотя тебя и на Красной Площади наверняка заметили...

Тася покачала головой.

— Да, но это дело закрыто. Об этом никто не узнает, девочке больше не о чем волноваться, и мы не будем про это вспоминать.

Дима почесал затылок. Они уже собирались идти вниз, когда Тася увидела на лестнице Нику. Та снова несла камеру,

говорила с кем-то по телефону и явно спешила.

— Ника! — хором.

Ника подняла голову, увидела их и тут же улыбнулась.

— Ребят, позже! Правда!

— Ты издеваешься? — спросила Тася.

— Совсем чуть-чуть!

И Ника снова исчезла, свернув в коридор к актовому залу.

На обеде Черновик выложил новый пост — все стало еще хуже. Фотографии было две: на первой, очень смазанной, сделанной исподтишка со стороны дверей, у стола Марины Игоревны стояли трое старшеклассников; на второй фотографии на столе были раскиданы записки с оскорблениями.

— Стерва. Жаба. Сук...

— Алина, мы поняли. Не надо это перечитывать.

У Таси тоже ухудшилось состояние — началась потливость. Она оттянула ворот рубашки и пыталась намахать под нее свежий воздух тетрадью по литературе — хоть где-то та пригодилась.

Нику пытались ловить еще два раза.

После четвертого урока она мелькнула у медиацентра, заметила Тасю с Димой и тут же свернула в актовый зал. Когда они зашли следом, внутри уже никого не было, только два пустых стула, штатив и Костя, который честно сказал:

— Она ушла минуту назад.

— Через стену? — спросила Тася.

— Я не следил.

Потом Ника появилась у лестницы с камерой, помахала им с нижней площадки и крикнула:

— Я правда не могу сейчас, у меня дедлайн!

— Все, — сказала Тася, поднимая руки вверх. — Попугая поймать проще.

— Кефир хотя бы не считал нас дураками на самом деле, — сказал Дима.

К пятому уроку Тася сдалась.

Дома было тихо. Не уютно тихо, а вязко. Из комнаты отца тянулся свет от телевизора, на кухне в раковине стояли две кружки и тарелка, которую никто не убрал с утра. Кот встретил Тасю в коридоре, потерся о ногу и недовольно мяукнул, потому что ужин опаздывал.

— Да, я тоже, — сказала ему Тася и чихнула.

Она успела покормить кота, выпить пакетик порошка от простуды и лечь на диван с пледом, когда в дверь позвонили.

Открывать не хотелось, но звонок повторился, и отец крикнул из комнаты, чтобы Тася открыла дверь.

Она подошла к двери, не включая верхний свет, посмотрела в глазок и тихо выругалась.

На площадке стоял Дима. В одной руке — пакет. В другой — еще один, поменьше.

Тася приоткрыла дверь ровно на длину цепочки.

— Ты что тут делаешь?

— Держи.

Он поднял большой пакет. Через белый целлофан ярко

виднелись апельсины.

Тася растерянно посмотрела на него. Она все еще не открывала шире. За спиной в коридоре было темно, из комнаты отца бубнил телевизор, и пустить Диму внутрь сейчас казалось невозможным. Он это понял. Конечно понял.

— Я не напрашиваюсь, — сказал Дима.

— Я не...

— Я знаю.

Тася закрыла дверь, сняла щеколду и приоткрыла дверь шире, чтобы забрать пакет.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Повисла пауза.

Потом Дима сунул руки в карманы куртки и сказал, глядя куда-то на номер квартиры:

— Я понимаю, что ты мне не доверяешь.

— Это не так.

— Так, — спокойно ответил он. — И это нормально. Я попросился работать с тобой, чтобы следить за школой. Помог тебе пару раз, но это ничего не значит.

Тася сильнее сжала ручки пакета.

— Дим...

— Я правда готов дальше помогать. Со всеми этими школьными катастрофами, попугаями, письмами, Черновиком, чем угодно. До выпуска хотя бы дожить без полного кошмара. Этого уже достаточно.

Он наконец поднял на нее глаза.

— Даже если ты будешь каждый раз смотреть на меня так, будто еле терпишь.

Тася открыла рот, потом закрыла.

Потому что возразить было нечем.

В этот момент позади ее ног протиснулся кот.

— О, — сказал Дима. — Тот самый.

— Ага.

— Как зовут?

Тася опустила глаза на рыжего, наглого пушистика.

— Огурец.

Дима улыбнулся.

— Кефир с Огурцом не мешать.

— Нет, ну, в целом можно, но я в исправлении этой катастрофы участвовать не буду.

Огурец, словно подтверждая легенду, сел Диме на ботинок.

— Он меня одобряет, — сказал Дима.

Тася хотела развеять миф и поделиться фактом, что Огурец одобряет всех, у кого есть пакеты с едой, но проглотила фразу, которая могла испортить магию зарождающейся дружбы.

— Да, — в итоге кивнула она, соглашаясь с самой собой, — одобряет.

Она аккуратно взяла Огурца на руки.

— Спасибо за апельсины, — сказала Тася.

— Выздоровливай.

— Куда денусь.

— И не забудь принести справку от врача или родителей, чтобы не было проблем с учителями.

— Куда денусь вдвойне.

— И если что-то прилетит в бот — пиши.

— Все, Дима, давай, иди!

Дима кивнул и пошел к лестнице.

— Подожди!

Он обернулся.

— Попугай был не прав, если что.

— Я и не думал, что он прав, — Дима пожал плечами, — это же попугай.

Тася дождалась, пока стихнут его шаги. Огурец завозился у нее на руках и ткнулся мордой в подбородок.

— Что? — шепотом спросила Тася, — Просто попугай?

Кот, конечно, ничего не ответил.

Глава 5: Суп

К третьему дню больничного Тася успела досмотреть какой-то проходной сериал, разобрать стирку, дважды поругаться с чайником, протереть подоконник и вычесать Огурца так тщательно, что после получилось свалить из его шерсти ботинки на все лапки.

Сейчас Огурец валялся на спинке дивана в окружении сброшенных им ботинок, и следил за хозяйкой с тяжелым осуждением. Тася сидела на полу, сортировала тетради в стопки и время от времени шмыгала носом. Горло уже почти не болело, но насморк держался стойко и не собирался сдавать позиции. По записке от отца из школы ее официально отпустили “до полного выздоровления”, но полное выздоровление, по ощущениям, было очень занятым и пока не планировало приходить.

Телефон лежал рядом экраном вверх.

Сообщений в боте за утро накопилось достаточно. Два — какие-то мелкие, которые Тася решила удаленно при помощи младшекласников. Одно — от Сони, которое Тася не решалась открывать. И еще одно — осторожное... взрослое.

Тася открыла его снова, уже, наверное, в шестой раз.

Здравствуйте. Прошу прощения за беспокойство. Мне сказали, что к вам можно обратиться конфиденциально. Я хотела бы уточнить одну деталь про Черновик. На второй

фотографии из поста про кабинет учительницы по английскому на столе появились записи, которых не было. Я не прощу называть имен. Мне нужно понять, кто и когда сделал именно второй снимок.

Конечно, писала Марина Игоревна.

Тася уже успела перепроверить скрины, открыть их рядом и понять, что все сходится плохо. На первом фото — кабинет Марины Игоревны, букет пионов, ежедневник, ручка, мел, тетрадь. На втором — тот же стол, но с другого ракурса, будто все лишнее отодвинули, выставили композицию лишь с букетом и стикерами с оскорблениями, чтобы и дурак понял, что это ее стол.

Тася перевернулась на живот, открыла чат с Димой и перечитала их утреннюю переписку.

это подделка

второе фото сделали отдельно и стикеры подкинули для вкуса

Дима ответил быстро.

я узнал тех троих старшеклассников с первого фото

денис, миша и артем

пойду с ними говорить

Потом он пропал почти на сорок минут.

Тася все это время не могла нормально ни читать, ни лежать, ни есть. Она протерла стол, помыла посуду, открыла окно на кухне, закрыла окно на кухне, потому что сразу замерзла, потом вытащила Огурца из-под кровати и посадила

себе на колени.

Огурец немедленно улегся и сделал вид, что так и было.
— Хотя ты от меня ничего не скрываешь, — сказала Тася.
Огурец замурчал. Телефон завибрировал. *Алиша.*

Белочкина! я у тебя через 5 минут

Тася даже не успела ответить, как в дверь позвонили. Алина стояла на площадке в маске, в перчатках и с пакетом в руке.

Тася приоткрыла дверь.

— Ты с ума сошла?

— Мне нельзя болеть! — глухо сказала Алина через маску. — Мама хочет слетать в Лондон на выходные.

Она быстро сунула пакет ей в руки.

Внутри были мандарины, сок, пара булочек и тонкая папка.

— Что это?

— Литература. Английский. Любовные послания от Димы.

Тася прислонилась плечом к двери.

— Ничего из этого мне не надо. Но за еду спасибо.

Из-за угла выглянул кот, но завидев маску и перчатки, как у ветеринаров, убежал.

— Огурчик! Как же так, не признал...

— Не бери на свой счет, у него стресс, потому что я долго торчу дома, — Тася махнула рукой и сразу спросила, — Что в школе?

Алина закатила глаза.

— Все плохо, шумно и утомительно. Ника носится с камерой, будто ей платят за километраж, и, конечно, ее никто не может поймать, кроме тебя. Костя debil. Соня нервная. Дима тоже злой. А еще мне нужна от тебя услуга, когда выздоровеешь.

— Какая?

Алина замялась. Это уже было странно.

— Мне надо, чтобы Марина Львовна от меня отказалась. Тася моргнула.

— Уже?

— Да.

— Алина.

— Я больше не могу. У меня через нос и уши лезут статьи уголовного кодекса. И у нее бесячие звенящие серьги в виде весов. Одни весы — ее знак зодиака, а вторые — весы правосудия. Я сегодня сорок минут слушала, как она объясняет мне, что в юриспруденции я раскроюсь, мол это написано в моей натальной карте, которую она же и составляла по просьбе мамы.

— А маме ты что скажешь?

— Ничего. В том и смысл. Надо, чтобы Марина Львовна сама решила, что я безнадежна. Или что у нее перегруз. Или что ретроградный Меркурий запрещает ей готовить меня к обществу. Что угодно. Только без моего участия, потому что если мама поймет, что я это устроила, мне и моему достатку

конец.

Тася не удержалась и засмеялась. Сразу закашлялась, схватила за косяк, Алина беспомощно развела руками:

— Вот. Я поэтому и не захожу. Ты мне сейчас тут все ви-
русы на лестницу выплунешь.

— Очень трогательная дружба.

— Я тебя люблю на расстоянии.

Тася вытерла нос рукавом и кивнула на пакет:

— Хорошо, я что-нибудь обязательно придумаю.

Алина помолчала секунду, потом понизила голос и даже приспустила маску с губ:

— И еще. Соня с Димой поругались.

Тася нахмурилась.

— Я просто случайно увидела, как Дима на перемене с ней ругался. Точнее, она с ним. Он куда-то дернулся, видимо, по вашим делам, а Соня хотела, чтобы он посмотрел ее эссе по английскому. Потом на большой перемене у нее был вообще ужас по профилю физики, ее училка тормозила.

Тася уже тянулась к телефону в переписку бота с Соней, а Алина продолжала.

— Дима после этого ходил молчаливый. А еще строго разговаривал с Денчиком и остальными. Ден мне потом жаловался.

Алина поправила маску.

— Все, мне пора, я, может до выходных успею еще зайти.

— Спасибо большое. Хорошей поездки.

— Гудбай!

Она ушла вниз по лестнице. Тася закрыла дверь и увидела, что Огурец недоверчиво выглядывает из комнаты.

— Все, — сказала она ему. — Коронавирусный патруль ушел.

Огурец медленно вышел, понюхал пакет с мандаринами и сел на него.

Тася начала перечитывать сообщения от Сони.

я не хочу идти домой

Тася ее понимала.

мне кажется, я схожу с ума из-за учебы

Тут Тася ее уже не понимала, но читала дальше:

я знаю, что это не первая проблема на земле, что у всех так, но я правда не знаю, куда идти, чтобы там не было всего этого

Тася села на край дивана и наконец ответила:

*если не хочешь домой, не иди сразу
где ты обычно можешь пересидеть?*

Ответ пришел быстро:

в подъезде

Тася поморщилась.

нет

нормальное место

Пауза.

я не могу долго отсутствовать, родители будут волноваться

Тася потеряла лоб.

— Господи, — пробормотала она и посмотрела на Огурца.

— Откуда вы такие вылупляетесь?

Огурец медленно моргнул, не беря на себя ответственность.

Она все-таки написала:

выбери место, не связанное с учебой

не сиди в школе или библиотеке, зайди в кафе недалеко от дома, возьми кофе, полистай тиктоки

а потом уже домой

Соня долго не отвечала.

За это время Тася собрала разбросанные на кресле вещи, закинула стирку, вытерла стол на кухне и достала из холодильника курицу, которую отец вчера купил и, конечно, забыл приготовить. Огурец ходил за ней по квартире и орал.

Ответ от Сони пришел, когда Тася резала картошку.

а какие тиктоки мне посмотреть? можешь накидать что-то смешное? а то у меня вся предложка в подготовке к егэ

Ну, разумеется. Тася сама редко заходила в социальные сети, но отказать на просьбу не могла — на миг ей показалось, что они с Соней будто сидят друг напротив друга в кафе. Она представила, что это лишь еще одна катастрофа, которую можно быстро уладить. Однако, пока Тася листала свою ленту и пересылала в бот ссылки на видео с иишными котами, кастрюля на плите начала пыхтеть — крышка упала

и напугала Огурца. Тася выругалась и продолжила готовку, поэтому пропустила еще один эмоциональный поток Сони.

*спасибо большое, я бы хотела переслать часть мемов
своему другу, но он меня сегодня обидел, и я не хочу с ним
разговаривать*

*точнее, не то чтобы обидел, он не обязан мне помогать
и поговорить я с ним хочу*

Вот это Тася уже читала внимательнее. Точки появлялись и исчезали дольше обычного. В итоге Соня сама закрыла тему:

неважно

Конечно.

Тася поджала губы.

*важно, чтобы ты отдохнула между школой и домом
а остальное наладится*

я думаю, друг не хотел тебя расстраивать

На этот раз Соня ответила почти сразу:

да

хорошего вечера

Тася усмехнулась.

— У нас уже почти дружба, да? — спросила она у Огурца.

Огурец в этот момент пытался залезть в пакет с картошкой и разговор поддерживать не стал.

Пока курица жарилась, а суп сонно булькал в кастрюле, Дима так и не написал. Тася несколько раз смотрела на чат, потом откладывала телефон обратно на подоконник. Ей са-

мой было неприятно от того, что она вообще ждет. Особенно потому, что в голове жила удобная версия: Дима и Соня вместе, просто сегодня поссорились, но завтра помирятся.

Телефон завибрировал, когда Тася мыла доску после готовки.

На этот раз Дима.

как себя чувствовала сегодня?

Мысли повисли в голове, как тело Таси над сообщением. Да, Дима наверняка пишет ей от нечего делать, потому что вечер проведет не в компании Сони. Тася выдохнула, теплая капля воды упала с руки на экран телефона и отправила стикер в чат — Дима успел увидеть кота, у которого изо рта течет слюна.

справедливо

Тася быстро вытерла руки и ответила:

есть что-то по делу англичанки?

Ответ пришел через минуту.

да

парни пошли на попятную, но я вижу логику в их словах, сейчас пришло дословно

«если бы мы хотели кого-то подставить или оскорбить, мы бы не стояли под дверью как дебилы в ожидании, пока нас фоткают»

Тася села на табурет, и, чтобы развеять обстановку, напечатала:

ты брал показания под диктофон?

Дима не отвечал секунд десять, и Тася даже успела представить, как сгустились его брови в непонимании, поэтому поспешила набрать уточняющее сообщение, что шутит, но в этот момент получила в ответ стикер с котом со слюной изо рта, но в шляпе детектива, с лупой и диктофоном.

Тася захохотала, но резко оборвалась. Это неправильно.

соня писала в бот

На этот раз Дима не отвечал секунд тридцать.

я знаю

мы поругались

Тася долго смотрела на экран, потом напечатала:

*она была в кафе, и только после этого пошла домой
если тебе от этого легче*

Снова пауза.

легче

спасибо

На этом переписка закончилась. Тася перешла в бот и почему-то еще несколько минут смотрела в пустой чат, в ожидании сообщения с помощью срочно разругать чью-то катастрофу.

Катастроф, к сожалению, или к счастью, не появилось.

К шести вечера квартира блестела, и Тасе даже стало легче дышать. На столе стоял ужин, на сушилке висела одежда, Огурец был накормлен и теперь валялся на диване кверху пузом. Тася успела даже открыть английский.

Отец пришел позже обычного.

В одной руке у него был пакет из аптеки. В другой — из «Магнита».

Тася подняла голову.

— Привет.

Отец посмотрел на нее чуть внимательнее, чем в последние дни.

— Привет. Как ты?

Она даже выпрямилась.

— Уже лучше, — сказала Тася. — Нос только достал.

Отец кивнул, поставил пакеты на стол и начал доставать по одному: лекарства, шоколадки, лимон, чай, какой-то сироп.

У Таси внутри очень глупо и ярко потеплело.

— Это мне? — спросила она.

— Ну не Огурцу же, — ответил отец. Потом все-таки добавил: — Хотя ему тоже можно что-нибудь купить в следующий раз.

Тася улыбнулась так быстро, что сама не успела это спрятать.

— Я ужин сделала.

— Вижу.

— Чайник сломался, — скорее продолжила она, чтобы беседа не прекращалась. — Два раза сегодня протек.

— Завтра куплю новый.

— Возьмешь с таймером? Я у Алины дома видела. Там он еще температуру показывает и всякое такое, прикольно, да?

— Ага.

Он сел за стол, и Тася принялась раскладывать ужин по тарелкам, стараясь не торопиться слишком заметно. Руки у нее дрожали чуть сильнее, чем должны были. От температуры, от воодушевления — она сама не понимала.

Ели молча. Ложки тихо стукались о тарелки. Только Огурец говорливо крутился у стула, задевал лапой носки и ждал, что кто-нибудь признает его главным страдальцем этого дома.

Тася несколько раз уже открывала рот и снова молчала.

Потом все-таки решилась.

— Хочешь потом фильм посмотрим? — спросила она, стараясь сказать это легко. — Можно боевик какой-нибудь. Ты же любишь.

Отец поднял глаза.

И вот в эту секунду — короткую, почти незаметную — ей правда показалось, что он согласится. Что скажет: да, давай, будет здорово. Или хотя бы: ну, можно. Что они просто посидят рядом, и ей не придется опять целый вечер делать вид, будто все нормально.

Но он покачал головой.

— Не сегодня, Тась. Я очень устал.

Да, конечно, он не отказывал ей нарочно. У него просто опять не осталось сил только на нее.

— А, — сказала Тася. — Ладно.

Отец встал из-за стола.

— Спасибо за ужин.

— Угу.

Он постоял еще секунду, будто хотел что-то добавить, но не добавил. Забрал чай, кивнул сам себе и ушел к себе в комнату. Почти сразу оттуда заговорил монотонный голос какого-то спортивного аналитика.

Тася так и замерла с ложкой в руке. Потому что на несколько минут — пока отец ставил на стол лекарства, пока спрашивал, как она, пока доставал шоколадки — ей и правда показалось, что, может быть, еще не все потеряно. Что, может быть, между ними еще можно что-то собрать заново. Медленно, криво, не сразу — но можно.

Но нет.

Тася резко встала, так что стул скрипнул по полу, прижала ладонь к глазам и пошла в коридор, даже не понимая толком, куда именно. Ноги сами привели ее в мамин кабинет. Свет из коридора ложился на пол узкой полосой и не доходил до окна. Все стены были заставлены книжными шкафами — высокими, до потолка, плотно набитыми романами, старыми словарями, мамиными закладками, папками, книгами в потертых обложках, которые она перечитывала по десять раз. У окна стоял маленький диванчик, на котором мама любила читать, поджав ноги и завернувшись в плед.

Тася дошла до него, свернулась калачиком и только тогда по-настоящему расплакалась.

Глава 6: Фотопленка

В школе у самого входа на Тасю налетел шум, мокрые куртки, чьи-то рюкзаки, звонкий смех, фруктовые запахи жижек, реплики про безответную любовь, про сочинение по русскому, про то, что до ЕГЭ осталось неприлично мало и что жизнь, видимо, решила добить всех одновременно.

Тася сдала пуховик, пригладила волосы, выпрямилась и только тогда почувствовала, что колени у нее все равно немного ватные. Болезнь, конечно, отступила, но не ушла. В большей степени её беспокоили дела сердечные, на самом деле.

— О, живая, — сказала Алина, выныривая из толпы с тетрадями, расписанными маркерами. — Я уже думала, ты не вернешься и мне одной придется тянуть этот балаган до июня.

— Очень трогательно.

— Я вообще-то страдала.

— По мне? В Лондоне?

— По себе. В Лондоне. Даже до туда Марина Львовна дотянулась со своими гороскопами.

Тася невольно улыбнулась.

— Я помню о твоей просьбе. Работаем.

Алина зашикала так, будто нюхачи Львовны повсюду, но тут же посерьезнела.

— Как ты?

— Уже лучше.

— А внутри?

— Алина.

— Окей-окей. Не лезу.

Алина уже открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но вдруг чуть прищурилась и кивнула Тасе за спину.

Тася сразу напряглась. Дима шел к ним через холл. Под мышкой у него, как всегда, были папки и синий сборник по профильной математике. Телефон в руке, во второй кружка-термос, лицо собранное, но не спокойное. Тася почему-то сразу вспомнила его "я понимаю, что ты мне не доверяешь", и у нее внутри все снова стало неровным.

— Привет, — сказал он, остановившись перед ней.

— Привет.

Алина сделала реверанс.

— Я вас оставлю. Мне еще нужно добежать до кабинета и сделать вид, что я подготовилась к истории.

— Ты не подготовилась? — спросила Тася.

— Нет, я хочу, чтобы мне ставили оценки за харизму.

Многого прошу?

— Ни в коем случае. Удачи.

Они остались вдвоем посреди коридора.

— После второго попробуем выловить Нику? — уточнил Дима.

Тася кивнула.

— Думаешь, она на этот раз не убежит?

— Думаю, убежит, — честно сказал он. — Но я устал делать вид, что это нормально.

Тася хотела ответить что-нибудь колкое, но в этот момент заметила в конце коридора Соню. Телефон Димы загорелся сообщением.

Тася сразу отвернулась.

— Ладно, — сказала она. — После второго.

Первый урок прошел мутно. На втором, литературе, Тася ловила себя на том, что листает бот, особенно часто перечитывая сообщения, как ей казалось, Марины Игоревны. С нее не спрашивали часть домашней работы ввиду болезни, но задали сдать сочинение по Толстому до конца недели.

На перемене они с Димой нашли Нику у медиацентра. Она сидела на столе, выставленном в коридоре, листала фотографии на камере и одновременно спорила с двумя девочками насчет подписи к школьному посту.

— Ника, — сказала Тася.

Она подняла голову, увидела их и сразу улыбнулась. Не виновато. Скорее с любопытством.

— Вы удивительно упорные.

— Нам нужны твои снимки из актового зала, пожалуйста. В тот день, когда пропала коробка с письмами, — сказал Дима.

Ника чуть наклонила голову.

— Зачем?

— Потому что мы просим.

Ника перевела на него взгляд.

— Очень убедительный аргумент, Соколов.

— Мы не уйдем, — встряла Тася.

— Это уже ближе к правде.

Она еще секунду подумала, потом спрыгнула со стола и отдала камеру.

— Только быстро.

Сначала шло именно то, чего и стоило ожидать: сцена, Алина с почтовым ящиком, Костя ковыряется в носу, бумажные звезды, кто-то с микрофоном, общий план зала, еще общий план, Алина на кого-то орет, девятиклассники у кулис со светом, фрагменты репетиции. Ника снимала хорошо, этого у нее не отнять. Даже такой хаос она отсняла аккуратно.

— Дальше, — командовал Дима, стоявший у нее за плечом.

Тася листнула.

На следующем снимке был край сцены, боковая кулиса и часть стены у медиацентра. Фото вышло смазанным, как будто Ника повернулась слишком резко. И прямо в этом смазанном куске стоял Лёва — в своей темной толстовке, наклонившись к чему-то у стены.

Тася замерла.

— Еще.

Следующий кадр оказался похожим. Снова Лёва — те-

перь уже возле двери медиацентра.

— Стоп. Что он там делал? — спросил Дима.

Тася быстро вскинула голову.

— В смысле?

— Он не должен был быть в актовом.

— Почему не должен?

— Потому что он не из школьного совета. И к репетиции отношения не имеет.

Дима не отводил взгляда от экрана.

— Слушай, — сказала Тася строже, чем собиралась, — по одному смазанному кадру ты сейчас серьезно будешь на него что-то вешать?

— Не по одному. По двум.

Ника сложила руки на груди и с явным интересом наблюдала, как они начинают злиться друг на друга.

— Вы меня, конечно, простите, — сказала она, — но если вам нужно поругаться, я могу отойти.

— Нет, — сказал Дима.

— Да иди уже, — сказала Тася.

Ника усмехнулась.

— Только камерой не размахивайте, она дорогушая.

Но отошла все-таки к столу и девочкам.

Тася еще раз пролистала снимки вперед и назад, потом протянула камеру Нике и обратилась к Диме.

— Идем отсюда.

Они пошли к лестницам. До звонка оставалось минуты

две. Кто-то пробежал мимо с рулоном ватмана, из дальнего кабинета донесся смех, а у Таси внутри уже klokотало раздражение.

— Ты в него вцепился, — сказала она, как только они отошли подальше.

Дима нахмурился.

— Это логично.

— Нет. Логично то, что Ника вычистила всю подборку. Там остались только эстетичные кадры — даже Костя палец в нос запихнул, как на обложку Вога, — и два смазанных с Лёвой. Это тебе вообще ничего не говорит?

Он молчал.

Тася продолжила, уже злее:

— Она тщательно следит за фотопленкой, и только Лёва у нее случайно не удалился? Seriously?

Дима несколько секунд смотрел на нее, потом отвел взгляд.

— Да, — сказал он тихо. — Ладно. Согласен.

— Вот и отлично.

— Нет, не отлично.

Она замолчала.

Дима потер переносицу и заговорил уже совсем иначе. Без обычной сухой собранности.

— Я перегнул. Извини.

Тася моргнула. Дима посмотрел мимо нее, в окно.

— Потому что... — Он запнулся, и это было на него не

похоже. — Потому что меня бесит, как ты его защищаешь.

Тася нахмурилась.

— Извини?

— Неважно.

— Нет уж, если начал...

— Просто бесит, — сказал Дима громче. — Когда речь о нем, ты сразу встаешь против моего мнения. Даже не разбираясь. Я считаю, что его надо проверить, а ты даже не допускаешь такой возможности, несмотря на то, что у него есть полный доступ к твоему боту.

На секунду повисла пауза.

И вот в эту секунду Тасе почему-то стало очень ясно, что Дима сейчас говорит совсем не про расследование. Конечно. У него и так Соня, школа, другие старосты, пробники, Марина Игоревна, а теперь еще и Лёва под ногами. Он устал и сорвался.

Как раз в этот момент у Димы загорелся экран телефона. Тася успела увидеть имя раньше, чем он перевернул мобильный.

— Иди к Соне, — сказала Тася.

Дима поднял голову.

— Что?

— Иди к ней. У вас и без меня хватает дел.

Он смотрел на нее с таким выражением, будто не сразу понял, что она опять делает.

— Тася.

— Сегодня я сама, — отрезала она. — С Мариной Игоревной, Никой, Лёвой, и всем вообще — сама. Ты и так уже помогаешь слишком многим.

Последнюю фразу она сказала специально жестко. Чтобы не оставить места ни для возражений, ни для этого его взгляда, от которого ей хотелось сначала спорить, а потом — почему-то нет.

Дима молчал некоторое время, будто не мог подобрать подходящих слов. В итоге он просто развернулся и ушел.

Тася смотрела ему вслед еще секунду, потом резко выдохнула и прижала ладонь к горящему лбу.

Молодец.

Но злость никуда не делась. Наоборот, стала тверже. И яснее.

На следующих уроках Тася не смотрела в сторону Димы, и не записывала ни слова. Просто сидела и думала. О первом сообщении из бота. О втором. О том, как Марина Игоревна осторожно формулировала каждую фразу. О том, что ей нужен не просто новый скрин, фото или чужой пересказ. Ей нужна сама Марина Игоревна.

После уроков Тася поспешила к кабинету английского, надеясь застать преподавательницу на месте.

Дверь оказалась приоткрыта. Внутри Марина Игоревна стояла у стола и раскладывала распечатки. Цветов не было.

Тася остановилась на пороге и постучала костяшками по двери.

Марина Игоревна подняла глаза.

— Белочкина? Заходи.

Тася вошла и закрыла дверь за собой.

В коридоре пролетел смех, а внутри кабинета было спокойно до неприятного.

— Ты уже вернулась? — спросила учительница. — Я думала, ты еще дома.

— Уже нет.

Марина Игоревна посмотрела на нее внимательнее.

— Вид у тебя, честно говоря, все еще не очень.

— Вы тоже уставшая.

Марина Игоревна убрала прядь волос за ухо.

— Что случилось?

Тася вдруг почувствовала, как сердце начинает биться где-то в горле. Еще можно было соврать. Спросить что-нибудь про сочинение. Сделать вид, что зашла из-за пропусков. Уйти и отложить на завтра. Или на послезавтра. Побежать к Диме и спросить, может, у него есть другой план?

Нет.

Она засунула руки в карманы худи, чтобы не было видно, как дрожат пальцы.

— Я хотела вам кое-что сказать, — начала Тася.

Марина Игоревна отложила листы на стол.

— Так.

— Только это... странно прозвучит.

— Белочкина, — сказала Марина Игоревна, — только не

говори, что Черновик твоих рук дело.

Тася нервно выдохнула.

— Это я веду тот анонимный бот, в который вы писали.

Глава 7: Сообщение

Слова Таси не отлипали от Димы с самого утра.

«Ты и так уже помогаешь слишком многим.»

До школы он успел поставить чайник для бабушки, и выдернуть его из розетки, как и другие приборы в доме, найти ее очки, которые снова лежали в холодильнике рядом с сыром, ответить в чат класса про деньги на пробник, переслать завучу список дежурных на неделю и по дороге решить, что сегодня обязательно сядет за профиль хотя бы на час без телефона.

В школе за первые сорок минут его успели поймать классная руководительница, физрук и Денис.

Классной нужны были согласия на экскурсию для девятого класса, которую почему-то должен был собирать именно он. Физруку — ключ от кладовки, который Дима, разумеется, не видел, но должен был “как-то найти”. Денису — еще одно обещание, что Дима обязательно разберется с теми, кто подставил его компанию.

Он все это делал автоматически, даже не думая, что помогает.

И только где-то на второй перемене, перепроверя домашнюю работу и пытаясь удержать дергающуюся под столом ногу, Дима поймал себя на мысли: а что вообще у него есть, кроме этого?

Школьные поручения, чужие просьбы, профили по нескольким предметам, олимпиады, списки, таблицы, дедлайны и вечное “Соколов, подойди на минутку”.

Что именно его?

Он не играл ни в какой группе, не рисовал, не бегал, не собирал модели поездов, не ходил на хоккей, не читал комиксы по ночам и не мог бы честно назвать ни одного занятия, про которое сказал бы: да, вот это я люблю.

Когда у него выпадало свободное время, он открывал учебники по математике и физике. Не потому, что обожал до дрожи. Лишь потому, что у точных наук, в отличие от людей, были условия задачи и хоть какой-то шанс на окончательное решение.

Телефон в кармане снова завибрировал.

Соня.

ты посмотришь эссе?

Дима открыл чат и завис.

Он обещал ей еще вчера. Не успел. Потом опять не успел. И теперь она писала уже в третий раз за утро. Дима набрал:

после третьего

Точки появились сразу.

ты вчера тоже так сказал

В другом конце коридора стояла Тася.

После вчерашнего она выглядела лучше. Волосы собранные, телефон в руках. Она не разговаривала ни с кем, только быстро печатала, потом останавливалась, читала ответ и

снова печатала. Один раз мимо нее прошла Марина Игоревна, и Тася обернулась за ней.

Дима это заметил.

Как заметил и то, что Тася за весь день ни разу не подошла к нему сама. Даже не посмотрела толком, когда они столкнулись у кабинета истории.

Стало неприятно и как-то глупо. Вроде бы после апельсинов и того разговора на площадке ему показалось, что все хотя бы чуть-чуть сдвинулось. Хотя бы появилась щель, через которую можно было говорить, а не только переглядываться и огрызаться.

Сегодня щели не было. Дверь снова закрылась.

На третьем уроке Дима сдал контрольную раньше всех и в освободившееся время попробовал решить два параметра, пока учительница проверяла работы. Не получилось сосредоточиться. В голове вместо цифр были Тася, Соня, те смазанные фотографии из камеры, Лёва и совершенно дурацкий вопрос: а если Тася была права? Не насчет Лёвы, а в целом... про людей, которым Дима не доверяет.

Соня, например.

Он сам же приучил ее, что рядом всегда есть кто-то, кто посмотрит эссе, сверит ответы, скажет, что делать дальше. Не потому, что Соня была беспомощной. Наоборот. Она умела многое, но в моменте паники у нее все сразу слипалось в один большой ком, и Дима привык распутывать это за нее раньше, чем она успевала разобраться сама.

И теперь он уже не был уверен, что делал ей хорошо.

После урока Соня поймала его у лестницы.

В руках у нее были распечатки по английскому, в папке торчали карточки с лексикой, и вся она выглядела так, будто сейчас взорвется.

— Ты можешь сейчас?

Дима уже открыл рот, чтобы сказать "да", но...

— Сонь, нет, — вздохнул он. — Мне надо кое-что проверить. Я потом подойду.

Соня резко убрала листы в папку.

— Не надо. Сама разберусь.

И зашагала прочь.

Сама разберусь.

Дима вдруг остро почувствовал, как устал за день. И физически, и изнутри. От того, что всем все время что-то нужно, а у него на все есть только один выбор — собраться и продолжать. Он положил руки на перила лестницы и заметил, как дрожит левая рука.

К четвертому уроку злость никуда не делась. Поэтому после звонка он все-таки пошел к Лёве.

Кабинет информатики был открыт, оттуда выходили ученики после урока. Лёва сидел за своим местом, с наушником в одном ухе и ноутбуком перед собой. На экране бежал какой-то код, рядом лежала раскрытая тетрадь по информатике, кружка с колой и два пакетика от сухариков.

— Неожиданный визит.

— Есть минута? — спросил Дима.

— Смотря зачем.

Дима подошел ближе и остановился у соседнего стола. Из коридора доносились голоса младших, в соседнем классе что-то грохнуло об пол.

— Что ты хочешь? — спросил Лёва.

Дима не стал заходить издалека.

— Я хочу понять, можешь ли ты как-то влезть в Тасин бот без нее.

Лёва снял наушник.

— Сильное заявление.

— Это не шутка.

— Я вижу.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга.

Потом Лёва откинулся на спинку стула.

— Тебя она прислала?

— Нет.

— Тогда зачем ты сюда пришел?

— Потому что если с ботом что-то случится, она мне об этом не скажет, — ответил Дима быстрее, чем успел подумать, как это прозвучит.

Лёва прищурился.

— Значит, супер-герл тебя отшила, и ты решил, что я главный злодей?

— Я решил проверить.

Лёва постучал пальцами по столу. Выглядел он не оби-

женным.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Смотри.

Он развернул ноутбук к Диме, открыл несколько вкладок подряд, что-то показал в панели настроек, в хостинге, в переписке с самим собой. Дима понимал примерно половину из увиденного, но главное уловил.

— Вот почта, — сказал Лёва. — Не моя. Вот доступ к панели. Не мой. Вот архив установки. Его я сохранил на всякий случай, если у нее бы что-то слетело, но войти туда можно только в том случае, когда Тася сама, своими руками, введет пароль на этом ноутбуке. Без нее я туда не полезу.

— Не можешь? — уточнил Дима.

Лёва посмотрел на него очень серьезно.

— Не полезу, — повторил он.

Дима молчал.

— Соколов, — сказал Лёва, — если бы я хотел ей навредить, я бы сейчас не сидел перед тобой и не показывал тебе всю техничку.

— Очень успокаивает.

— Ты сам пришел успокаиваться.

Это было сказано без хамства, но неприятно точно. Дима отвел взгляд, потом снова посмотрел на экран.

— Ладно, — сказал он. — Понял.

Лёва закрыл ноутбук наполовину.

— Я не собираюсь делать Тасе плохо, — сказал Лёва уже чуть тише. — Даже если ты почему-то уверен, что все вокруг

пытаются это сделать.

Дима кивнул.

— Хорошо.

— Все?

— Пока да.

— Тогда иди. У меня, в отличие от некоторых, еще дохера дел.

Дима уже развернулся к двери, когда Лёва вдруг спросил ему в спину:

— Ты ей скажешь, что приходил?

Дима остановился.

— Нет.

— Я скажу, — спокойно ответил Лёва.

После уроков Тася поймала Диму уже на выходе из школы.

Он спустился с крыльца, прошел половину двора и увидел ее у ограды. Рюкзак на одном плече, руки в карманах, ветер играет с выбившейся прядью у виска. Вид у нее был такой, что сразу стало ясно: Лёва времени не терял.

— Ты ходил к нему, — сказала Тася вместо приветствия.

Дима остановился напротив.

— Да.

— Зачем?

— Я хотел убедиться, что он не может влезть в бот.

Тася засмеялась коротко, без всякой радости.

— Он чист, — сказал Дима. — Я ему верю.

— Какое счастье. Спасибо за официальное заключение.

Тася смотрела на него с такой усталой злостью, что у него внутри снова все сжалось.

— Оставь меня в покое, Дим, — сказала она. — И Лёву тоже. И вообще перестань решать за всех и все контролировать.

Он кивнул, потому что спорить уже не было смысла.

— Да, — сказал Дима. — Я все контролирую. Потому что не могу по-другому.

Тася чуть растерялась от того, что он не начал спорить.

Где-то у крыльца кто-то закричал, что автобус уже подъехал, и толпа младшеклассников рванула через ворота. Дима чувствовал, что если сейчас Тася скажет еще одно слово, его снесет этой толпой, и это действительно будет конец.

Тася тоже это почувствовала. Он увидел по лицу.

— Почему? — спросила она.

Он не сразу понял.

— Что почему?

— Почему ты не можешь по-другому?

Вот и все.

Дима разблокировал телефон и начал печатать.

Через секунду у Таси в кармане завибрировал мобильный.

Она быстро достала его и увидела новое сообщение в боте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.